

АНГЛИЙСКАЯ НОВЕЛЛА

Джон Голсуорси Рваный башмак

Около двенадцати часов на следующий день после премьеры «Ревущие стремнины», что давала на взморье заезжая труппа, актер Джильберт Кестер, игравший в третьем акте доктора Доминика, вышел на прогулку из пансиона, где он поселился на время турне. Кестер долгое время, почти полгода, был «не у дел», и, хотя он знал, что четыре фунта в неделю не сделают его богачом, всё же в его манерах и походке появилась некоторая беспечность и самодовольство человека, снова получившего работу. У рыбной лавки Кестер остановился и, вставив в глаз монокль, с легкой усмешкой стал разглядывать омаров. Целую вечность он не лакомился омарами! Без денег можно помечтать об омарах, но этого эфемерного удовольствия хватило ненадолго, и Кестер пошел дальше. У витрины портного он снова остановился, здесь он живо вообразил себя переодетым в костюм из того добротного твида, что лежал на окне, и одновременно в стекле витрины увидел свое отражение в коричневом выцветшем костюме, который достался ему от постановки «Мармедьюк Мандевиль» ровно за год до войны. Солнце в этом проклятом городе светило слишком ярко и безжалостно выставляло напоказ вытершиеся петли и швы, лоснящиеся локти и колени. И всё же Кестер получал некоторое подобие эстетического удовольствия, глядя на отражение элегантной фигуры мужчины (уже полгода не евшего досыта) с моноклем, хорошо обрамлявшим приятный карий глаз, и в велюровой шляпе – трофее спектакля «Симон-просветитель», что ставили в 1912 году. Стоя перед окном, Кестер снял шляпу, ибо она скрывала новый феномен, явление еще не оцененное по достоинству, – его *mesche blanche*. ^[1]Что это – приобретение или начало конца? Седая прядь была зачесана назад и очень выделялась среди темных волос над мрачным лицом, которое всегда нравилось самому Джильберту Кестеру. Говорят, что седина – следствие атрофии нерва или потрясения, результат войны или недостаточного питания ткани. Привлекает внимание... и всё же!... Кестер пошел дальше по улице, и ему показалось, что мелькнуло знакомое лицо. Он оглянулся и увидел,

что на него смотрит маленький, франтовато одетый человек с приветливым, круглым и румяным, как у херувима, лицом, – такие лица встре чаются у постановщиков любительских спектаклей.

Черт возьми! Да это же Брайс-Грин!

– Кестер? Ну конечно, это вы! Вот встреча! Вы совсем пропали! А помните наш старый балаган, сколько было потехи, когда мы ставили «Старого ворчуна»? Честное слово, рад видеть вас! Вы заняты? Идемте позавтракаем вместе.

Брайс-Грин – состоятельный человек и меценат – был душой общества на этом приморском курорте.

Кестер ответил, лениво растягивая слова:

– С удовольствием.

А внутренний голос торопливо подсказывал: «Послушан, мой милый, ты, кажется, сейчас позавтракаешь!»

Они шагали рядом, один – высокий, в поношенном костюме, другой – кругленький, но одетый с иголочки.

– Вам знакомо это заведение? Зайдем! Филлис, два коктейля и кракеры с икрой. Это мой друг – мистер Кестер. Он выступает у нас здесь. Вам следует посмотреть мистера Кестера на сцене.

Девушка, подававшая коктейли и икру, с любопытством подняла на Кестера голубые глаза.

«Боже мой! Да я полгода не играл»,

– Какая это роль, – небрежно протянул он, – надо им помочь... просто э... э... – брешь заполняю.

А где-то под жилетом отозвалась пустота: «И меня тоже надо заполнить».

– Не перейти ли нам в ту комнату. Кестер, захватите с собой коктейль. Там никто нам не помешает. Что будем есть, омара?

– Обожаю омаров, – протянул Кестер.

– Я тоже. Здесь они чудесные. Ну, как поживаете? Страшно рад вас видеть! Вы единственный настоящий артист из всех, кто у нас тогда играл!

– Благодарю, у меня всё в порядке, – ответил Кестер и подумал: «Неисправимый дилетант, но добрый малый».

– Вот здесь сядем. Вильяме, подайте нам хорошего, большого омара и салат и э-э – и мясное филе с картофелем. Картофель

поджарить, чтобы хрустел, и бутылку моего рейнвейна. И еще, еще... омлет с ромом – больше рома и сахара. Понятно?

«О, черт, еще бы не понять», – пронеслось в голове Кестера.

Они уселись за столик друг против друга в небольшой комнатке.

– За успех, – поднял свой бокал Брайс-Грин.

– За успех, – ответил Кестер, и коктейль, булькая в горле, отозвался: «Это успех».

– Что вы думаете о теперешнем состоянии драмы?

Ого! Этот вопрос всегда близок сердцу Кестера. Приятно улыбаясь только одним уголком рта, чтобы удержать в глазу монокль, Кестер не спеша произнес:

– Никуда не годится!

– Мда! – отозвался Брайс-Грин. – У актеров нет талантов?

«Нет денег», – подумал Кестер.

– Какие роли исполняли вы в последнее время? Что было интересного? В «Старом ворчуне» вы были великолепны!

– Да нет, ничего интересного, я немного развинтился, всё как-то э-э – слабовато.

И брюки, широкие в поясе, как бы подтвердили: «Слабовато!»

– Ну вот и омары! Вы любите клешни?

– Благодарю, мне всё равно.

Ну, а теперь есть, есть, пока не натянется пояс. Пир! Какое блаженство! И как легко льется речь, – он говорит и говорит о драме, о музыке, об искусстве, то хвалит, то критикует, поощряемый восклицаниями своего маленького хозяина-провинциала и удивлением в его круглых глазах.

– Черт возьми, Кестер, у вас седая прядь! Как это я раньше не заметил? Мне всегда нравились *mèches blanches*. Не считите за грубость, – но как она появилась, сразу?

– Нет, не сразу.

– И чем вы объясняете это?

«Попробуй-ка поголодай», – вертелось у Кестера на языке, но он ответил:

– Право, не знаю.

– Но это замечательно! Еще омлет? Я часто жалею, что сам не пошел на сцену. Ах, какая жизнь! Какая жизнь! Если иметь такой талант, как у вас.

«Какая!»

– Сигары? Подайте нам кофе и сигары! Вечером обязательно приду вас посмотреть. Надеюсь, вы пробудете здесь еще неделю?

«Ах, какая жизнь! Восторг и аплодисменты: „Игра ми стера Кестера выше всех похвал – это подлинное искусство... она то-то и то-то...“»

Молчание собеседника вывело Кестера из задумчивого созерцания колец табачного дыма. Брайс-Грин сидел неподвижно, держа в руке сигару и приоткрыв рот; взгляд его блестящих и круглых, как морские камешки, глаз был устремлен вниз, он глядел куда-то ниже края скатерти. Что с ним, обжег себе губы? Ресницы у Брайс-Грина дрогнули, он поднял глаза на Кестера и, облизнув губы, как собака, неуверенно сказал:

– Послушайте, дружище, не обижайтесь, но вы что... совсем на мели? Я... если я могу быть полезен, пожалуйста, не стесняйтесь. Мы же старые знакомые, и всё такое...

Взгляд его выпуклых глаз опять устремился на предмет – и Кестер посмотрел туда же. Там у ковра он увидел... свой собственный башмак. Башмак ритмично покачивался в шести дюймах от пола... трещина... как раз посередине между носком и шнуровкой две большие трещины. Так и есть! Кестер знал это. Хорошие башмаки, он играл в них Берти Карстера в «Простаке», перед началом войны. Его единственная пара, кроме башмаков доктора Доминика, которые он очень берег. Кестер отвел глаза и посмотрел на добродушное, встревоженное лицо Брайс-Грина. Тяжелая капля оторвалась у Кестера от сердца и затуманила глаз за моноклем. Губы его искривились в горькой усмешке.

– Нет, зачем же? Благодарю.

– Извините. Мне просто показалось...

Глаза Брайс-Грина снова устремились... но Кестер уже убрал ногу.

– Очень сожалею, дружище, но у меня свидание в половине третьего. Чертовски рад, что встретил вас. До свиданья!

– До свиданья, – произнес Кестер, – очень признателен.

И Кестер остался один. Опершись подбородком на руку, он невидящим взглядом смотрел через монокль в пустую чашку. Один со своим сердцем, своими башмаками, своей жизнью и будущим... «В

каких ролях вы выступали последнее время, мистер Кестер?» – «Я не так много играл. То есть я хочу сказать, что роли были самые разнообразные». – «Понятно. Оставьте ваш адрес, сейчас не могу обещать вам ничего определенного». – «Я бы мог э-э... почитать вам что-нибудь. Может, послушаете?» – «Нет, благодарю, это преждевременно». – «Нет? Ну что ж, надеюсь, что смогу пригодиться вам позже».

Кестер ясно представлял свои глаза во время этого разговора с антрепренером. Боже, какой взгляд! «Ах, какая жизнь! Собачья жизнь! Всё время ищешь, ищешь, ищешь работу. Жизнь бесплодных ожиданий, скрываемой нищеты, тяжких разочарований, голода».

Официант, неслышно скользя вокруг, приблизился к Кестеру. Вошли две молодые женщины и сели за столик у двери. Кестер заметил, что они посмотрели на него, до его обостренного слуха донеслось:

– Конечно... это он, – шептали они, – в последнем акте... Разве не видишь *meche blanche*?

– Ах да! Это он. Не правда ли...

Кестер выпрямился, поправил монокль, на его губах заиграла улыбка. Они узнали в нем доктора Доминика!

– Разрешите мне убрать, сэр?

– Разумеется, я ухожу.

Кестер поднялся. Молодые женщины пристально смотрели на него. Элегантный, слегка улыбаясь, он прошел мимо них как можно ближе, чтобы они не увидели его рваный башмак.

---

notes

Примечания

1

Седая прядь (*франц.*).